

Клубные встречи

Вег. клуб. - 1996 - 7 мая - с. 7.

Редактор может годами читать приходящие по почте рукописи, дотягивая до публикации одну-две из тысячи, и то по принципу "человек старался, надо помочь". А такого, чтобы в "самотеке" попались просто отличные рассказы, может за всю его редакторскую жизнь и не случиться. Мне однажды повезло — лет десять назад в еженедельнике "Литературная Россия". Размахивая рукописью, я побежал делиться с коллегами: открыл талант! Некий Евгений Попов! Коллеги хрюкали в столы и советовали немедля, раз такое дело, нести рассказы главному редактору. Я был моложе и срее. Не знал, что сей талант открыт в середине 70-х, а в 79-м, после выхода знаменитого альманаха "Метрополь", прочно "закрыт". Самое забавное — главному не пришло в голову, что мне такие вещи неизвестны. Он решил, что, наоборот, я в курсе каких-то новейших перестроечных веяний. И пошли звонки литературному начальству: можно печатать Попова? Уже дозволено? Если рукопись соответствует требованиям... отвечало осторожное начальство. Короче говоря, Попов появился сначала в "Юности", потом в "Крокодиле" и с небольшим отрывком — в "ЛР". Санкций не последовало, и рассказы его пошли нарасхват...

Евгений ПОПОВ:

Профессиональный писатель не должен быть профессионалом

— Евгений, как ты считаешь, была ли команда свыше открыть шлюзы?

— Откуда мне знать-то, простому человеку? Во времена "Метрополя" мы очень много острили на тему, что нас подслушивают, сами, прямо сказать, не очень в это веря, — так, для веселья. А года четыре назад было опубликовано донесение Андропова в Политбюро с визой Суслова — о "Метрополе"! Страна разваливалась, а они занимались такой ерундой, каким-то альманахом. Так что сейчас я не исключаю, что раз запрет шел свыше, то и команда объявить общий перекур могла быть.

— Была партийная конъюнктура: работаешь на нее — живешь безбедно. Теперь у нас в идеологию вливают меньше денег, и самой престижной стала конъюнктура Запада — отсюда гранты, стипендии, приличные гонорары. Получается, что так называемый социальный заказ остался, только заказывает Запад.

— Мне приходилось сталкиваться на Западе: "У нас сегодня лекция — два знаменитых поэта из Москвы". А я, зная все-таки три четверти литературной Москвы, никогда таких знаменитых имен не встречал... Но все же ничего тревожного не вижу в том, что у всех людей, в том числе на Западе, свои пристрастия — возрастные, вкусовые. Вспомни у нас дикую популярность Кафки, потом Джойса. Это не мафиозные дела, а просто так складывается. Если ты проводишь параллель с советской властью, то всегда ведь были нормальные поэты и писатели даже в системе Союза писателей — и были мальчишки, мечтавшие урвать комсомольскую поездку на БАМ, влиться в систему "Молодой гвардии", чтобы им дали что-то. А многие писатели, которых сейчас приглашают на Запад, исповедовали то, о чем в "Мастере и Маргарите" было написано: не просите у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами дадут...

— То есть, коротко говоря, ты не видишь угрозы того, что Запад сейчас формирует наш литературный рынок?

— Да, я такой угрозы не вижу, потому что у нас слишком большая страна и слишком крепкая культура. Сейчас возникла масса писателей малоизвестных и абсолютно неконъюнктурных, живущих в провинции. Они не связаны с Западом, но работают в том же русле литературы, значит, в целом она — не заказ Запада. Веление времени, как раньше писали. Мир абсурден, потому и абсурдисты. Вот пример бытового абсурда: во времена "расцвета застоя" стояли мы с одним поэтом в городе Дмитрове за водой. Жара ужасная, пыль, мухи, станционный магазинчик закрыт на обед.

И вдруг по очереди какой-то старичок стал суетиться: "Товарищи, долго мы будем мириться с этим безобразием?! Она обязана открывать в два часа ровно, а сейчас семь минут третьего. Товарищи, давайте все запоем "Интернационал!"

А вообще для меня дело не в названии — именуется ли это "романом" или "текстом", — а в качестве исполнения. Если Бог дал писателю слово — а больше ничего ему и не дано, — то это литература, не дал — будет псевдолитература, квазилитература, времяпрепровождение, что тоже неплохо. Лучше же тексты писать, чем на игле торчать.

— Некоторые, кстати, кокетничают тем, что стимулируют воображение наркотиками. А у тебя есть стимулятор — как у Парандовского в "Алхимии слова": босиком на каменном полу или гнилые яблоки нюхать?

— В какой-то мере для меня это спиртное. Я не алкоголик, но раз в две недели могу крепко выпить — тьфу-тьфу, пока могу, — наутро болит башка, лезут в голову сюжеты — жизнь какой-то другой становится.

— Покойный Георгий Витальевич Семенов говорил, что все модные "измы" проходят, и литература всегда тяготеет к реализму. Правда, он реализм понимал широко, для него и Булгаков был реалист.

— И для меня... Я вообще хочу добрым словом Георгия Витальевича помянуть. Его забывают, как и Шукшина, и Казакова. Это нехорошо и непродуктивно, потому что они работали на таком высоком уровне, который для ремесла абсолютно необходим следующему поколению, с какими бы "измами" оно ни было. Надо уровень писательский иметь. А что касается Семенова, я был в его семинаре на молодежном совещании в 74-м году. Он прочитал меня и сказал: "То, что ты пишешь, мне совершенно не нравится, но я тебе всю жизнь буду помогать". А потом мы выпили, и он сказал: "А вообще с такими сочинениями к Васьеку ступай". Как в воду глядел: не прошло и трех лет, как возник "Метрополь", и мы сошлись с Аксеновым... Вот вспомнил: в 79-м, когда меня выперли из Союза писателей, а Аксенов сам оттуда ушел, мы с ним провели зиму на даче в Пахре. Я как любопытная мышь его расспрашивал про 60-е годы, кто что делал, с кем дружил и с кем спал. А там на местном клубе висел лозунг: "Наша цель — коммунизм". И он мне, скрипя снежком, задает филологический вопрос: "Скажи, Евгений, как одну букву изменить, чтобы лозунг стал правильным?" Я крутился, вертелся — не придумал. Он гово-

рит, это никуда не годится, иди Хлебникова читай, структуралисты, словарь Даля. А буква была — "Наша цель..."

— На тебе лежит печать принадлежности к группе: к диссидентам, к демократам — точное определение неважно. Тебе это облегчает жизнь? Или к чему-то обязывает?

— Это меня ни к чему не обязывает, в первую очередь потому, что я никого не обязываю. Я не хожу продавать свои раны и увечья. Принадлежность к группе "Метрополя"? Да ведь группы-то нет. Были просто люди, которые поначалу почти не знали друг друга, а потом полюбили друг друга и сохранили эту приятельность до сих пор. Главное для меня достоинство "Метрополя" — что я стал менее одинок. Ведь та жизнь могла подвигнуть к отчаянию, в первую очередь потому, что я не диссидент, я, как школьники говорят директору — я ничего не делал. Писал рассказы, их не печатали, причем как бы в оскорбительном смысле: я получал похвальные рецензии, а изданий не было. Поэтому я с удовольствием в "Метрополе" и участвовал. Но считать это принадлежностью к группе — нет! А если ты говоришь о том, что у нас как бы две культуры, то я-то думаю, культура все же одна. Как к этим именам ни относиться, они имеются: Аксенов, Астафьев, Белов, Бродский, Владимир, Войнович, Кручин — по алфавиту. Что тут обсуждать-то? Одной компании приятны одни, другой другие, а внутри этих компаний свои споры. Варварский, но плюрализм. А не то что одна компания задавила другую и пляшет краковяк.

— Есть сейчас расхожий тезис: писатели спорят, имущество делят — им не до читателей. А читателям не до них.

— Просто у читателей появились новые возможности, например, заработать и поехать не с Сенкевичем в кинопутешествие, а с женой в Париж. У них меньше времени для чтения книг... Только я не могу понять: а кто сказал, что их обязательно нужно читать? Чтение книг не есть показатель культуры.

— А тебя не беспокоит, что падают тиражи, в том числе твоих книг?

— Я наглой отвечу фразой: я о себе достаточно высокого мнения, чтобы меня такая чушь заботила... А если серьезно, то, мне кажется, профессиональный писатель не должен быть профессионалом. Я почти не жил на литературные заработки. Я писал рассказы не для того, чтобы за них получить деньги, а для того, чтобы они были. А другой еще до того, как сел писать, думал о советской власти, о цензуре, о том, сколько он получит, о своем месте в истории. Это правильно с его точки

зрения — он профессионал. Но только у него больше проблем и возникало, чем у меня.

— Еще бы, обложив самого себя флажками...

— Ну да. А я, конечно, рад был всегда, если меня печатали, если гонорары платили — я ж не кривляюсь. Но не ориентироваться на это с самого начала — это даже не сверхзадача, а сознание такое. Может быть, и знак дебилизма. Это я веду к тому, какая моя роль и не принижается ли она тем, что люди стали больше смотреть видик и есть "Сникерсы". Устойчивый круг моих читателей остается. А если не вырастает до беспредельности, так каждый сверчок знай свой шесток. Я не пишу зашифрованную суперинтеллектуальную прозу, но и масскульт не пишу. А хотел бы писать, так писал бы. Может быть, и начну, если захочу или обстоятельства прижмут.

— Насчет того, что ты не зарабатывал литературным трудом. Расскажи, как торговал картинками.

— Работа напоминала коммивояжерскую. Я должен был примерно раз в месяц поехать в любой город и от имени Управления реализации Худфонда заключать договоры на картину, на скульптуру, на оформление клуба. А потом этот договор передавали какому-нибудь художнику, и там на месте он валял. Я мог ездить по всей стране, куда хочу, была масса свободного времени и масса наблюдений — сотни людей, от пьяни в электричках до начальников, которые не очень стеснялись посланца Худфонда. Говорили: "Вы художник? Ох, напьемся, конечно, сегодня!" А я: "Да уж, конечно!" Кстати, в отличие от Союза писателей Худфонд меня не сдал в 79-м году. К ним приходили и гэбэшники, и из райкома партии, требовали меня уволить с работы. А они сказали: у нас простые люди, о писательских делах ничего не знаем, Попов план выполняет на 140 процентов, друзей на работе не имеет. Так что пускай СП с ним разбирается и ГБ. А мы не можем поступиться партийной совестью, раз человек перед нами не провинился.

— Куда ты вообще лез? Только приняли тебя в СП, дали понять, мол, не играй с огнем... Неужели вы не осознавали возможных последствий?

— Могу говорить только про себя. Не было такого дьявольского плана, чтобы в результате кто-то оказался на Западе, кто-то обрел ореол мученика в отечестве. Наивность была. Надеяться в какой-то момент, что о н и еще не окончательно спятили с ума и напечатывают альманахи в СССР хотя бы тысячным тиражом — и проблемы решены, "Метрополь" уже не диссидентский, а советский, советским же писателям публиковаться на Западе не возбранялось, вернее, ограничительно разрешалось. Но они не могли этого сделать — закодированный круг: позволю одним — другие захотят.

— А если бы попались идеологи умнее среднего и прикормили бы Женю Попова?

— Твой вопрос из серии "как вы думаете, дети, кто победит, крокодил или слон?" Если бы, как ты выражаешься крайне нелюбезно, меня прикормили, так они уже были бы другие. Иначе говоря, этого не могло быть, потому что не могло быть никогда.

— Похоже, вопрос, за кого ты собираешься голосовать, просто лишний.

— Конечно, за Ельцина, и, конечно, главным образом потому, что он самая реальная альтернатива большевикам. Демократическая оппозиция так увлеклась полемикой, что если ее продолжать, скоро можно будет полемизировать до бесконечности. Одни будут полемизировать, работая в Париже таксистами, другие будут полемизировать на нарах. Репрессии с приходом коммунистов будут непременно, вопрос в масштабе репрессий. И будут битвы при московских университетах за мясо и колбасу — кто как, а я не забыл. Жил в Теплом Стане, и вот утром угрюмая толпа, открываются двери, и продавцы отбегают быстро, иначе сметут. Летит толпа к лоткам, где мясо, хватают, как в зверинце. Кому-то не достается — начинается ор: ты, приезжий, нас обвел, а вы, суки-москвичи, зажрались... А в Красноярске в середине семидесятых, помню, еда у всех была следующая: черный хлеб, маргарин, свежая капуста и разливной вермут... Не работает большевицкая система, сколько же можно экспериментировать! Ни в какие времена ни в какой стране не работала.

— Ты доволен своей писательской карьерой?

— Это не то слово — доволен. Когда человек говорит, что доволен, он сразу получает символический кирпич на башку. Я полагаю, что я на месте. В пространстве и времени. Рад, что не сложились обстоятельства так, что пришлось бы уехать. Рад, что пишу и могу сейчас публиковать все, что написал. А дальше — как Бог даст.

Встречался Евгений НЕКРАСОВ. Фото Игоря ИВАНДИКОВА.